

Пришла пора вспомнить о них, написать, поспорить

Михаил ПАРХОМОВСКИЙ

Из всех бурных событий XX века, приводивших к массовой эмиграции, Октябрьская революция в России была самым большим. Наиболее вероятное число людей, покинувших страну в первые годы после прихода к власти большевиков, — два-три миллиона. Достоверной статистики нет. Неизвестно также, сколько бежало из страны охваченным стадным чувством, сколько — по четким политическим убеждениям и сколькими двигал страх за свою жизнь и свое богатство.

Эмигранты не ставили перед собой задачу вывозить и спасать русскую культуру. Они спасали самих себя и своих близких. Но сами эмигранты в значительной своей части были носителями высоких традиций, а вывозимые ими семейные реликвии и архивы — духовными ценностями. За рубежом оказались нереализованные творческие замыслы и еще не разбуженный творческий потенциал.

Считанное количество людей понимало, что они спасают русскую культуру от ленинской антикультуры. Но именно в этом мы видим историческую миссию русских эмигрантов времен революции и первых лет советской власти. Вывезли они с собой ненаписанный кодекс всемирного бolenия за всех. "Русская интеллигенция как духовный орден" — так назывался один из докладов, прочитанных в парижском союзе "Зеленая лампа". Посмеиваясь над благородством многих эмигрантов, французы называли их "защитниками проигрышных дел" (*les avocats des causes perdues*). Но это было неверно: им, беженцам, потерявшим свой социальный статус, удалось многое — сохранить и приумножить духовные ценности оставленной родины. Не было проиграно еще одно дело, начатое выходцами из России, — французское Сопротивление.

Мне возразят: нечего идеализировать! Разве ты не читал о дразгах и вражде между эмигрантами, не знаешь о том, что они выдавали и предавали друг друга, служили в ЧК? Все это так, увы.

Но интеллигенция, в ее истинном значении, всегда и везде составляла лишь небольшой слой населения. И эмигранты имели право на своих подлецов, обывателей, просто слабых людей. Впрочем, они вели себя за рубежом лучше других — еще крепки были богобоязненность и страх: "что скажут люди".

"Эмиграция как общественное явление — в основе своей нравственный протест против несправедливости, грубого насилия, тирании, нищеты, коррупции"/1/. Эти слова были сказаны в 1974 году. Но осознание эмигрантами своей значимости пришло гораздо раньше — уже в начале 20-х годов. Они гордо заявили: "Мы не в изгнании — мы в послании!".

И.А.Бунин в своей знаменитой речи "Миссия русской эмиграции" (1924 год) говорил о трех ее сторонах: спасении чести России, непримиримости к силам разрушения и зла и о разъяснении миру сути этого зла, грозившего всему человечеству.

Как ни плохо было на чужбине, эмигранты все же не подвергались тем репрессиям, той дискриминации, тому физическому уничтожению, которым подвергалась интеллигенция при большевистском правлении. Удельный вес хранителей русской культуры за рубежом постепенно увеличивался. Оставшийся культурный слой в России быстро таял, неся потери от голода, холода, беспросветной убогости жизни. Советский террор успешно конкурировал с этими причинами. Чем он был вызван? Думается, не только опасениями, что в среде высокой интеллигенции много настоящих и потенциальных врагов советской власти — по духу своему эта власть была совершенно чужда интеллигенции, тяготевшей к гуманности и бескорыстной самоотдаче. А в присутствии совестливого человека труднее творить бесчинства. (В "Моиx университетах" Горького "веселящиеся" нижегородцы говорили Алексею: "Шел бы отсюда — при тебе как при отце или при попе".)

За последние годы в Советском Союзе очень вырос интерес к зарубежной русской культуре: она стала доступной — исчез железный занавес, понемногу снимаются замки с архивов; стала очевидна несостоятельность большевистской идеологии, пронизывающей советскую культуру. Издаются альманахи и сборники, посвященные русскому Берлину и русскому Парижу. Ждут своих авторов русские Прага, Рига, Харбин, Белград.

Автор последней большой монографии о русском Зарубежье Марк Раев/2/ высокий уровень русской эмигрантской культуры объ-

ясняет тем, что за пределами России оказалось общество, стремившееся продолжить осмысленную русскую жизнь за рубежом. Сетует на малую известность и неизученность творчества русского Зарубежья, Раев утверждает, что роль его была так же велика, как роль французской эмиграции, вызванной революцией и захватом власти Наполеоном, и польской эмиграции XIX века после раздела страны. Важность изучения культуры российской эмиграции Раев подтверждает тем, что она является неотделимой частью русской культуры.

Но только ли для России было велико ее значение? Разве полотно Шагала и Ларионова, балеты Дягилева и Лифаря, фильмы Мозжухина и Волкова смотрели только русские? Влияние русской культуры на европейскую шло медленно, но проникало глубоко, затрагивало сокровенные стороны существования.

Подробнее хочу остановиться на еще одном ракурсе проблемы — национальном составе культурного слоя русской эмиграции.

Старая русская интеллигенция считала неприличным делить русскоязычных собратьев по национальности (Т.А.Осоргина-Бакунина, вдова М.А.Осоргина, старейший сотрудник Тургеневской библиотеки в Париже, на мой вопрос отвечала так: "Я никогда не делила русских на русских православных и русских евреев"). Евреи тоже этим вопросом не желали заниматься: одни по той же интеллигентности, другие хотели ассимилироваться настолько, чтобы забыть о своем еврействе и заставить забыть о нем других, третьи считали нескромным говорить о своем вкладе, о вкладе евреев в русскую культуру.

Участие евреев в становлении и развитии русской культуры за рубежом не было чем-то принципиально новым по сравнению с их культурной ролью в дореволюционной России. Вот что писал об этом видный публицист С.О.Португейс:

"Русский еврей... Еврей, русский... Сколько вокруг этого соединения-разделения пролилось крови, слез, сколько нагромоздилось несказанных страданий, которым еще не видать конца, и сколько здесь все же было радости духовного и культурного роста маленького, но великого народа. Но разве только его радость? Нет, и большой великий народ — русский, питался живительными соками русского еврейства"/3/.

У Горького есть такая фраза: "Еврей Гершензон чувствует подлинную Русь лучше русского"/4/. А Есенин не без горечи при-

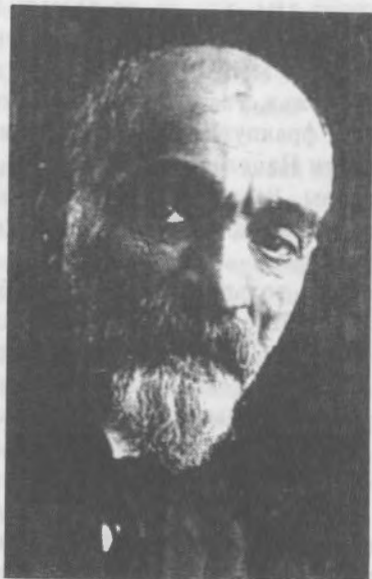
знавался, что лучше всех его стихи понимают еврейские девушки.

Тут мы подходим к важному и еще неизученному вопросу — о читательской среде. Писатель, публицист, поэт чувствительно реагирует на свою аудиторию, не говоря уже о том, что его гонимый прямо зависит от распродажи плодов его труда. И кто может оценить, какую роль сыграла еврейская молодежь, вырывавшаяся из узких рамок местечка и жадно набрасывавшаяся на русскоязычные издания? Для народа Книги покупка литературы не была роскошью, и евреи чутко и темпераментно реагировали на прочитанное. История русского книгоиздания и книготорговли насыщена еврейскими именами.

А как было поставлено книжное дело в эмиграции?

Наиболее показательна Германия 20-х годов, где было море эмигрантских издательств. Сколько же среди издателей было евреев! Это известные еще до революции З.Гржебин, И.Ефрон, А.Каган (его, издателя "Петрополиса", выпустившего книг более тысячи названий, не следует путать с А.Коганом, который издавал ежемесячный журнал "Жар-Птица"). Прибавились и новые имена: А.Г.Вишняк ("Геликон"), И.Штейнберг, основавший "Скифы". Его помощник А.Шредер и другие сотрудники "Скифов" отличались от Штейнберга только тем, что были неортодоксальными евреями/5/.

Из большого числа редакторов назовем И.В.Гессена. Он редактировал одну из ведущих эмигрантских газет "Руль" и был главным редактором в издательстве "Слово", выпускавшем книги Алданова, Бальмонта, Бердяева, Бунина, Гиппиус, Зайцева, Ремизова, Тэффи, Ходасевича, Саши Черного, Шестова и многих других; большое количество мемуаров; документалистику, в том числе 23 толстенных тома "Архива русской революции", исключительно важных для истории.

Лев Шестов

Однако жизнь литературы, как писал Б.М.Эйхенбаум/6/, не исчерпывается выходом в свет книг и журналов; очень важно их прошлое. Писатель работает не в одиночку, а бок о бок со своими единомышленниками, друзьями, товарищами по ремеслу. Образуются "кружки", "группы", устраиваются собрания, заседания или просто "вечеринки". В эмигрантской житейской убогости неопределимую роль сыграли меценатствующие обустроенные семейные дома. Все известные автору хозяева этих "литературных салонов" были евреями. По данным Н.Лобанова-Ростовского/7/, Соня Делоне (Терк) и ее муж были центром артистической жизни Парижа 20-х годов и широко принимали как русских, так и нерусских художников. Тепло вспоминают мемуаристы "литературные чаи" Марка Слонима в Праге, гостеприимство Зиновия Гржебина в Берлине. Не будь Саломеи Андрониковой ("Музы XX века") и ее мужа Александра Гальперна, много лет поддерживавших Цветаеву в Париже, кто знает, насколько приблизился бы ее трагический конец. Всеобщим "выручателем" слыл в Берлине Г.Н.Брейтман, сотрудник редакции газеты "Время".

А вот воспоминания Р.Гуля: "В Париже 20—30-х годов большую роль в русской культурной жизни играл Илья Исидорович Фондаминский (Бунаков), мученически погибший в гитлеровском концлагере Аушвиц: он вступился за избиваемого заключенного и был забит насмерть. Илья Исидорович был человек необычайный. Что-то юношеское было в этих его вечных беззаветных заботах о деле русской культуры в эмиграции. Большое участие он принимал в привлечении к эмигрантской литературе молодых поэтов и писателей. Создал их литературную группу под названием "Круг" и помог издавать альманах того же названия. Вот и "Русский театр" был его созданием. Он сколотил некую "группу содействия" (А.Гурвич, М.Алданов, Н.Тэффи, Н.Авксентьев, В.Зензинов и др.), сбил для театра актерскую группу, преимущественно из молодых, и создал "Русский театр". Вообще в смысле кипучести и разносторонности, неутомимости и бескорыстия его дел (я думаю) Илья Исидоровичу в эмиграции не было равных"/8/.

К Михаилу Осиповичу и Марии Самойловне Цетлиным — родственникам чайных магнатов Высоцких — на большое застолье и просто на чай приходили и самые знаменитые бывшие наши соотечественники, и начинающая молодежь. И их не только кормили и поили. Их слушали. Здесь намечались планы помощи нужда-

ющимся. О случаях такой помощи рассказывает Эренбург/9/: Цетлин финансировал издание стихов Волошина, "Стихи о канунах" Эренбурга и его переводы Франсуа Вийона. А общение во время этих встреч! В названных семьях литературная и актерская молодежь встречалась с цветом русской эмиграции: Бунины, Мережковский и Гиппиус, Зайцевы, Шмелев, Тэффи, Аминадо, Ходасевич, балерины Карсавина и Федорова 2-я, художники Яковлев, Шухаев, Григорьев, политики Милюков, Керенский, Струве, Церетели, Вольский (Валентинов) — всех не перечислить.

Чуть-чуть разбавим идилличность этой картины: многие евреи смогли помогать потому, что оказались за рубежом в более стабильном материальном положении. И ответим себе — но ведь они могли тратить свои деньги совсем на другое!

Тяга евреев к русской культуре не была безответной любовью, и многие русские с удивлением обнаруживали, что "все друзья у меня евреи", — трудно бывало не оценить бескорыстную преданность восторженных поклонников и хранителей русских культурных традиций.

Так, В.Набоков о своих собратьях в довоенной Европе пишет равнодушно или с иронией и неодобрением. Исключение он делает для нескольких человек:

"Иосиф Владимирович Гессен был моим первым читателем. Задолго до того, как в его же издательстве стали выходить мои книги, он с отеческим попустительством давал мне питать "Руль" незрелыми стихами. В течение нескольких лет я навещал Париж для публичных чтений и тогда обычно стоял у Ильи Исидоровича Фондаминского. Попав в сияние этого человечнейшего человека, всякий проникался к нему редкой нежностью и уважением... Душевную приязнь, чувство душевного удобства возбуждали во мне очень немногие из моих собратьев. Проницательный ум и милая сдержанность Алданова были всегда для меня полны очарования. Я хорошо знал Айхенвальда, человека мягкой души и твердых правил, которого я уважал как критика, терзавшего Брюсовых и Горьких в прошлом"/10/.

Кто знает, как бы сложились судьбы творческой элиты, не будь необходимой среды! И в ней был "особенный еврейско-русский воздух... Блажен, кто им когда-либо дышал", как ностальгически писал Довид Кнут.

А в самой творческой среде? Здесь было немало блестящих ев-

рейских имен. Художники Хаим Сутин, Марк Шагал, Пинхус Кремень, скульпторы Наум Аронсон и Хана Орлова, философы Лев Шестов и Семен Франк, литературные критики Юлий Айхенвальд и Иосиф Гессен, поэты Довид Кнут и Саша Черный, писатели Марк Алданов и Михаил Цетлин, драматург Семен Юшкевич, юрист и общественный деятель Оскар Грузенберг.

Берлинский кружок поэтов организовал еврей Миша Горлин. А о парижском "Союзе молодых поэтов" Тэффи рассказывала такой анекдот:

«Иду ночью по Монпарнасу, вдруг из какого-то кафе гуськом, один за другим, выходят евреи средних лет. Спрашиваю спутника: — Кто это? Что за люди? — А это, — говорит, — "Союз русских молодых поэтов"»/11/.

* * *

Лишенная снобизма, великая русская культура последовательно впитывала в себя все лучшее, что она получала извне (вначале от Греции и Византии, а в новое время — из Европы) и от собственных инородцев. В числе последних особое место заняли евреи. Их необыкновенный сплав идеализма и практицизма, инициативность и трудолюбие, преданность делу оказали русской культуре большую помощь. Евреи вложили в нее свой интеллект и свою душу. И не могли не оказать определенного влияния на эту культуру.

Пришла пора вспомнить о них, написать, поспорить.

Изучение участия евреев в культуре самой России вошло в традицию. Специальной обобщающей литературы об их роли в становлении и развитии русской культуры за рубежом еще нет.

Центрами русской и, соответственно, русско-еврейской культуры последовательно становились вначале Берлин и Прага, с середины 20-х годов — Париж; вторая мировая война перенесла его в Нью-Йорк. Возобновление эмиграции из советской России, связанное с диссидентским движением 60—80-х годов, лишь подкрепило тающие очаги этой культуры в странах Европы и Америки. Нынешняя (начала 90-х годов) большая волна эмиграции увлекла значительную часть русских евреев в Израиль. Видимо, им, в первую очередь, и предстоит проанализировать и описать историю русско-еврейского творческого союза. Ибо его почти полуторазековое существование (со времен великих реформ России), вероятно, закончится на этом, в крайнем случае, на следующем поколении эми-

грантов: в массе своей еврей-эмигранты перейдут в культурную среду прародины.

Что же касается страны исхода, то здесь заметны две тенденции: отторжение евреев из русской среды, связанное с ростом ее национального самосознания (под влиянием антисемитизма и без оно), и, отчасти как реакция на это отторжение, возвращение евреев в собственную национальную культуру. "Особенный еврейско-русский воздух", по-видимому, рассеется в озоновой дыре...

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Тигрид П. Цит. по: Артамонова Н. Альтернативы эмиграции//Континент, 1976. Кн. 10. С. 402.
2. Raeff M. *Russia abroad. A cultural history of the Russian emigration 1919—1939.* Oxford, 1990.
3. Ст.Иванович (С.О.Португейс). Семен Юшкевич и еврей. См. настоящий сборник, С. 25.
4. Горький М. Собр. соч. в 30 т. Т. 24. С. 447.
5. Гуль Р. Я унес Россию. Т. I. Россия в Германии. Н.-Й. 1981. С. 120.
6. Эйхенбаум В.М. Предисловие//Аронсон М., Рейснер С. Литературные кружки и салоны. Л., 1929. С. 3.
7. См. настоящий сборник. С. 361.
8. Гуль Р. Я унес Россию. Т. II. Россия во Франции. Н.-Й., 1984. С. 99—101.
9. Эренбург И.Г. Собр. соч. в 9 тт. М., 1966. Т. 8. С. 119.
10. Набоков В. Другие берега. Мичиган, 1954. С. 241—242.
11. Цит. по: Гуль Р. Россия во Франции. С. 139.

О "Русском одиночестве" Михаила Осоргина

(по материалам сионистской газеты
"РАССВЕТ")

Публикация и вступительная заметка
Александра РАЗГОНА
(Иерусалим)

В феврале 1925 года в газете русских сионистов "Рассвет" (газета сложилась в России в 1905 году, из-за большевистских гонений переместилась в Берлин и уже оттуда — в Париж) появилась статья русского литератора М.А.Осоргина. Автор публикации, прокламируя и подчеркивая свою русскую позицию, констатировал: в культурной (и иной) деятельности российских эмигрантов первое место, лидерство и инициатива принадлежат евреям. Не умаляя их роли, он описал свое состояние в словах, которые поставил заголовком к статье — "Русское одиночество".

Выступление М.А.Осоргина вызвало реакцию как среди сотрудников "Рассвета", так и среди читателей. Возникший вслед за тем на страницах газеты короткий, но энергичный обмен мнениями состоит из трех текстов: ответного письма читателя И.Н.Коварского и двух редакционных комментариев. Последние не подписаны, однако стиль комментариев позволяет предположить, что их автором является редактор газеты Владимир (Зев) Жаботинский.

Статью и первый комментарий мы приводим в полном виде, письмо читателя и второй комментарий — с небольшими сокращениями: изъяты в основном канувшие в Лету злободневности.

Что же касается основных мыслей, высказанных в ходе дискуссии, то они, как видно из публикуемого материала, продолжают волновать и наших современников.

По старой орфографии "Разсвет".